

БОГАТАЯ ЖАТВА ДЛЯ ФИЛОЛОГИИ И ИСТОРИИ

© 2004 З.Д. Попова

Воронежский государственный университет

Федорова М. В. Народная интерлингвистика. Славяне на Дону. — Белгород, 2003. — 99 с.

В течение нескольких десятилетий М. В. Федорова изучала топонимы и антропонимы на территории Воронежской, Липецкой, Белгородской областей РФ и на территории Белоруссии. Результаты подтверждали древнейшие контакты славян с мордовскими и пермскими народами, показывали отсутствие древних контактов с народами тюркскими. Совершенно же неожиданным оказалось открытие контактов с древними адыгами. Адыги — это народы абхазско-адыгейской группы языков, которые в настоящее время населяют в основном регионы северо-западного Кавказа (абхазы, абазинцы, адыгейцы, черкесы, убыхи).

Топонимы и особенно фамилии людей, типичные для обследованного региона, во многих случаях весьма убедительно сохраняют память о древних контактах восточных славян с адыгами.

Ср., например, река Псел — адыг. ПСЫ (вода, река).
Блр. Быгча — адыг. БЫДЭ (крепкий) + ЧЫ (земля).
Батчи — адыг. БАТЭ (изобилие) + ЧЫ (земля).

С адыг. ЧЫ (земля) связываются древнерусские названия народов ДРЕГОВИЧИ (дрягва — болото + ЧЫ — земля), РАДИМИЧИ (лес на болоте + земля). Иными словами, названия народов получены от названия мест их обитания. Кроме того, на территории Белоруссии имеется большой ареал топонимов на — ЧИ [с. 45-47].

Выявлены некоторые древнерусские слова, хорошо объясняемые адыгскими эквивалентами. Например, ЧЕЛЯДЬ — адыг. ЧИЛЭ + ДЫЕ (наши молодые) [с. 26]. Или: КОШЕВОЙ (старший у днепровских казаков) — адыг. КЪУЭШ (братство). Иными словами, кошевой — это вождь братства [с. 54].

Адыгские сопоставления объясняют происхождение многих фамилий.

Шеншин — каб. шынше (безлошадный): шы — конь, нше — без.

Мамырев — каб. мамыр/ мэмыр (тихий, мир).

Закарлюка — каб. закурлык (советник).

Манжури — каб. мыжура (копье, штык) и мн. др. [с.35-40]

Большое теоретическое и практическое значение имеет, на наш взгляд, очень убедительное выявление группы древнерусских аффиксов, восходящих к полнзначным адыгским словам.

Адыг. ЧЫ / каб. ШЫ (земля) объясняет варьирующиеся постфиксы —ИЩЕ/ — ИЧИ / — ЧИ/ — ШИ/ — ЦИ в серии топонимов типа Столбище, Гостищево, Осколище, Городище и др. [с.9].

Адыг. ЛЪЭ (место) может объяснить компонент —ЛЕ в русских предлогах ПОДЛЕ, ВОЗЛЕ, в укр. БІЛЯ, в белор. ЛЯ (живу ля реки) [с. 10].

Адыг. —ИН (большой) просматривается в русских названиях больших предметов (дубина, детина и т. п.), в названиях больших измерений (глубина, вышина, толщина и т. п.), в бытующих на Украине названиях больших территорий: Киевщина, Харьковщина и т. п.

Сочетания родного корня и иноязычного суффикса (композиции) возникают лишь в результате очень длительного контактирования разноязычных народов или их больших групп (ср. включение в систему словообразования русских глаголов суффиксов —ирова-, —изирова-). Обнаружение подобных композиций свидетельствует в пользу многовекового контактирования древних русов и адыгов.

Это наблюдение М. В. Федоровой может и должно стать основой для отыскания подобных композиций и в других языках. Оно еще раз подтверждает, что все аффиксы современных языков в далеком прошлом были самостоятельными полнзначными словами, притом не обязательно исконными в изучаемом языке.

Адыгизмы М. В. Федорова находит и в угрофинских, и в ряде индоевропейских языков. Это

позволяет ей выдвинуть гипотезу о формировании праадыгского языка на Среднерусской возвышенности. По этой гипотезе, в периоды природного катаклизмов, возможно, великого наводнения, группы людей из Средиземноморья (арабы, амхары, иудеи, сирийцы, кавказцы и др.) уходили на север, добирались до относительно сухих мест Среднерусской возвышенности. Сюда же пришли группы угрофиннов и индоевропейцев. Начались межъязыковые контакты. После спада воды и отступления ледника (IV–III тыс. до н. э.) началось расселение этносов из мест общего проживания в разных направлениях. Такая гипотеза дает совершенно новое представление о предистории народов Восточной Европы, которое, как полагает и сама М. В. Федорова “ может быть принято для дальнейшего обсуждения” [с.96]. Для подобного обсуждения интересный материал дают представленные в монографии словарные статьи, ряды и группы [с.51-95].

Возможно, что отдельные сближения славянских и адыгских лексем, сделанные М. В. Федоровой, не будут приняты. Например, вызывает сомнение возведение имени Олег к каб. Алигиго. Слишком сложно вести этимологию этого имени из адыгских языков через варяжские параллели к киевской Руси, куда варяги принесли имя Олег и его женский вариант Ольга.

Весьма натянутым представляется толкование местоимения НИКАК (из выражения *никак не открывається дверь*) через значение *упорно* и каб. нукукох (упорный). В данном выражении местоимение *никак* обозначает *никаким образом, никаким способом* из сочетания усилительной частицы НИ и местоименного наречия КАК (каким образом). И не “идет сюда же”, *не хочет и никаких*, где *никаких* – фрагмент фразеосочетания и *никаких гвоздей*. Так же проблематично сближение слов *никудышный* с каб. ныкъуэ-дыкъуэ (урод, инвалид). В данном случае налицо вполне ясная собственно русская мотивация из диал. туды – сюды, куды (ср. ни туды и ни сюды) Отсюда *никудышный* – не способный двигаться ни в одном направлении (никуда). Вероятно, есть и другие случайные сближения.

Нет у нас и особой уверенности в необходимости предлагать термин “народная интер-

лингвистика”, под которым понимается “процесс непосредственного контактирования этногрупп, имеющих разные языки, а также результаты такого контактирования в виде заимствований, калек, создания различных композитов” [с.5].

Лингвистика – это все же “наука”, а не “процесс”. Для указанного процесса имеется общепринятый термин “языковые контакты”. Когда интерлингвистикой называют раздел науки о языке, изучающий международные языки как средство межъязыкового общения, это нормативно. А для наименования разного рода процессов и видов деятельности людей в сфере коммуникации лексему “лингвистика”, казалось бы, лучше не применять.

В монографии, которая предлагается и как пособие по курсу “теория языка”, желательнее было бы видеть более подробные сведения по истории и современному состоянию абхазско-адыгской семьи языков и ее носителей. Не помешали бы и более подробные разъяснения чтения адыгейских и кабардинских слов, в которых один звук иногда обозначается двумя, а то и тремя графемами.

Однако в целом собранный материал не оставляет сомнений в том, что адыгские языки сохраняют множество лексем, семемы которых убедительно объясняют мотивировочные признаки созвучных с ними русских фамилий, топонимов на Среднерусской возвышенности и некоторых древних слов, бытующих в современных европейских языках, но не имевших убедительных этимологий. Полагаем, что исследователь индоевропейской древности должны принять во внимание материал адыгских языков.

Из монографии М. В. Федоровой становится ясно, что роль адыгского материала в изучении индоевропейских и – особенно – восточнославянских этимологий будет возрастать. М. В. Федорова своим трудом основательно поспособствовала той цели, которую поставил в свое время адыгский ученый Шора Бекмурзович Ногама: обратить внимание на язык адыгов, “обильный, древний, европейцам неизвестный, представляющий богатую жатву для филологии и истории” (эпиграф монографии).